

Т. Г. ТЕРЕХОВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ НА -а и -у
С ГРАММАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТА
В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ¹⁾

В применном употреблении родительный падеж с субъектным значением получил достаточно широкое распространение в современных восточнославянских языках. Однако в науке о языке не сложилось еще единого мнения, что считать субъектным значением родительного падежа. В «Грамматике русского языка», изданной Академией наук СССР, оно формулируется следующим образом: «Родительный падеж может обозначать не только носителя качества, признака, но и субъект разнообразных действий и состояний. Этот родительный определяется как родительный субъекта действия или состояния, например: приезд делегатов, выступление работницы, пение артиста, плач ребенка, вой волков». ²⁾

Это определение и примеры, иллюстрирующие его, свидетельствуют о том, что значение родительного субъекта ограничивается существительными, обозначающими одушевленные предметы. На наш взгляд, Н. М. Шанский, один из авторов пособия «Современный русский язык», более прав, когда значение родительного субъекта он расширяет, включая существительные, обозначающие неодушевленные предметы: «В применном употреблении родительный падеж может выступать... для обозначения субъекта, являющегося производителем действия или носителем определенного признака (наступление противника, шум прибора, песни соловья, работа студентов, помощь друга, приказ директора и т. д.; теплота тела, храбрость любимого, ясность неба, влажность воздуха, любознательность школьника и т. п.)». ³⁾

¹⁾ По техническим причинам в примерах из украинского и белорусского языков произведена следующая замена знаков. буква, обозначающая у неслоговое, передается *y*; буква, обозначающая после мягких согласных э, а после гласных и в начале слов йэ, передается э.

²⁾ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, 1952, т. 1, стр. 122.

³⁾ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексика. Фонетика. Морфология. Учпедгиз, 1957, стр. 221.

Иными словами, субъектные отношения между двумя существительными Н. М. Шанский обнаруживает не только тогда, когда существительные в родительном падеже обозначают лицо, производящее действие или испытывающее определенное состояние, но и тогда, когда существительное обозначает предмет в широком смысле слова, обладающий качеством, свойством, названным другим существительным; сравни: «приказ директора» и «влажность воздуха».

При рассмотрении вопроса об употреблении существительных в родительном падеже на -а и -у с грамматическим значением субъекта нами будут привлекаться словосочетания типа: плач ребенка, белизна снега, запах дыма и подобные им.

Как уже упоминалось выше, существительные в родительном падеже с субъектным значением могут выступать только в сочетании с другими именами существительными. Определяемые существительные различны по своему лексическому значению: они могут обозначать действие (пение артиста), состояние (сон ребенка), признак предмета (белизна сахара, запах дыма).

С другой стороны, существительные в родительном падеже, выражающие субъект действия, состояния или носителя признака, по своему лексическому значению еще более разнообразны, чем определяемые.

1. Это могут быть имена существительные со значением лица:

Чернышев терпеливо выслушал объяснения бригадира (Д. Гранин. «После свадьбы»).

Прогресивний характер критичних виступів Білика в 70-х роках визначався насамперед тим, що він був противником націоналістичного курсу Куліша... (М. Сиваченко. З історії створення роману «Хіба ревуть воли...»).

Ранні прыход незнаёмага і нечаканага госця удзівіу Стафана Ліскоускага (Я. Колас. «На ростанях»).

2. Существительные, обозначающие конкретные неодушевленные предметы:

... на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Дія відбувається в теплушці, яка ритмічно погойдуюється від руху поїзда (Ю. Яновський. «Зв'язковий підпілля»).

Тым часом Сяргей аддаў ужо загад Івану, старшаму млынару, і гукат старога млына сціх напалавіну (Я. Брыль. «На Быстранцы»).

3. Существительные, обозначающие явления природы:

Громче стал топот копыт, шорох колес по гравию, дребезжание рессор и постукивание дождя по крыше дилижанса (К. Паустовский. «Золотая роза»).

Сивий дід гріє свою бороду біля вогню і слухає розмову вітру (М. Коцюбинський. «Дорогою ціною»).

Каця заплюшчыла вочы і слухала шум дажджу (Янка Шырахоўскі).

4. Существительные с вещественным и собирательным значением:

Хруст, скрежет снега под ногами (О. Горчаков. «Полмешка картошки»).

Всеобщее одобрение народа получил Закон о государственных пенсиях, принятый недавно Верховным Советом СССР («Правда», 1956 г., № 253).

Усе це, з плачем, выкрикувала Маланка Андрыўі в спину при булькоті горнятка та потрыскуванні сухога труску (М. Коцюбинський. «Фата Моргана»).

У гэты цікі ранак... з яснай, румянай зарой усходу... з хрустам снегу пад капытамі ...—усе для Толі было напоўнена... радасным зместам (Я. Брыль. «На Быстранцы»).

Мікалай Пятровіч... слухаў песню лесу аб вясне (М. Ваданосаў. «У Баркоўскай пушчы»).

5. Существительные с отвлеченным значением:

— ...Отпраздновать победу разума человеческого над очерствением сердца (К. Федин. «Первые радости»).

Тут ми маэмо широко карціны в історыі перспектыві, масу апісів тодышньої культуры і звычайі, але побіда альтруізму над класовым егоізмам... здаецца нам утопічнаю.. (М. Коцюбинський. «Іван Франко»).

Не апрадаліся разлікі Англіі, якая знаходзіцца пад пагрозай фінансавага крызісу... («Звезда», 1956 г., № 31)

Известно, что в современных восточнославянских языках у существительных мужского рода единственного числа в родительном падеже возможны две формы: -а и -у.

Принято также в науке считать, что процесс утраты самостоятельного склонения основ на -й и проникновение формы родительного на -у в склонение основ на -о, был общим для русского, украинского и белорусского языков. Одной из основных причин, способствующих или тормозящих принятие формы на -у существительными основ на -о, было лексическое значение слова. Академик А. А. Шахматов об этом пишет: «...сначала в основах на -й, а потом под их влиянием в основах на -о создалось представление о грамматической категории, долженствующей объять слова, означающие отвлеченные понятия и собирательные предметы, и противоположной категории, означающей индивидуальные предметы (одушевленные и неодушевленные).

Первая из этих категорий получала в родительном падеже окончание -у, а вторая—окончание -а». ⁴⁾

Иными словами, окончание -у в родительном падеже могли принимать существительные с вещественным, собирательным и

⁴⁾ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 240—241.

отвлеченным значениями, окончание -а — существительные конкретного значения (одушевленные и неодушевленные).

Зависимость окончаний родительного падежа у существительных мужского рода единственного числа от лексического значения наблюдается и в современных восточнославянских языках в словосочетаниях с количественным значением (килограмм песку, толпа народу, много шуму, но стола, дуба...), с объектным (покупка лесу), но в словосочетаниях с родительным субъектного значения она проявляется по-разному в каждом изучаемом языке.

Приведем сравнения.

В современном русском языке:

За окном свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист (М. Горький. «Дачники»).

В ожидании ухода незванного гостя он просматривает сегодняшние газеты (Б. Ясенский. «Заговор равнодушных»).

И хотя Долгушин знал уже о таком способе сева от своих агрономов и из литературы, он терпеливо выслушивал и эти объяснения молодого своего наставника... (В. Овечкин. «Трудная весна»).

...сам по себе приезд нового начальника мастерских еще ничего не изменил (Д. Гранин. «После свадьбы»).

Казалось, они долго были на дне моря, увлеченные туда могучей силой бури, и вот теперь поднялись оттуда по велению огненного меча, рожденного морем... (М. Горький. «Челкаш»).

Лес стоял еще совсем голый, но все же грохотанье поезда отдавалось в нем отчетливее, чем в поле (И. Бунин, «Митина любовь»).

В ушах у нее стоял грохот падающего стула, а все ушло... (К. Федин. «Первые радости»).

Глаза младшей девушки проследили за плавным летом крана с радостным и строгим вниманием (Ю. Нагибин. «В трамвае»).

Работа завода начинает налаживаться (Б. Ясенский. «Заговор равнодушных»).

Тихо скользит лодка по сонной волне, нежно баюкает душу шелест камыша—и всего одна доска отделяет пловца от дна реки (М. Горький. «Месь»).

Тишину нарушал только треск пересохшего клея в корешках книг (К. Паустовский. «Золотая роза»).

Когда на море подымается волна, то слышен не шум прибоя, а хрустенье льда и шорох оседающего снега (К. Паустовский. «Золотая роза»).

В этом году весна света перестоялась, почти невыносимо было глазу сияние снега... (М. Пришвин. «Кладовая солнца»).

Волглое дыхание леса и лугов еще с кануна наполняло дом (К. Федин. «Первые радости»).

Это было особое, доносимое через шестерни и резцы к кончикам пальцев ощущение податливой мягкости металла (Д. Гранин. «После свадьбы»).

Тишиной было все — низкое серое небо, нетронутые снега, плотная чистота воздуха (Д. Гранин. «После свадьбы»).

Я не знаю — я не могу припомнить себе — но какой-то страшный сон, какое-то ужасное видение посетило мою расстроенную голову в томительную минуту борьбы сна с бдением (Ф. Достоевский. «Бедные люди»).

История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, — едва не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою... (М. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Брат, встань-кось! — шептал он (Гаврила) под шум дождя в ухо Челкашу (М. Горький. «Челкаш»)

Движение воздуха, поднятое Ольгой Ивановной, прокладываявшей своими узлами дорогу среди этого тряпичного космоса, иногда размораживало какую-нибудь оболочку (К. Федин. «Первые радости»).

Ее лицо отражало не только переходы разговора, но полноту всех ее чувств (там же).

Ты лентяй. А ведь тут не требуется изнуряющей работы ума (там же).

В украинском языке:

Уважно прислухаючись до порад брата, ...Панас Мирний... в ряді істотно важливих моментів зберіг цілковиту самостійність (О Белецький. Вступительная статья к «Твори» П. Мирного в 5-ти томах).

Те, що в «Чіпці» Мирний ставив своїм завданням пояснити розбишацтво головного героя соціальними причинами. У думках і вчинках Чіпка виявилась вся сила і слабкість протесту селянина-бунтаря (М. Сиваченко. «З історії створення романа «Хіба ревуть воли...»).

Мирний, як свідчать матеріали нарисувати, глибоко замислився над причиною появи такого суб'єкта, як Гнидка (там же).

Дія відбувається в теплушці, яка ритмічно погойдується від руху поїзда (Ю. Яновський. «Зв'язковий підпілля»).

(Корн) .,Таких наказів світлофора я виконувати не міг (А. Корнійчук. «Загибель ескадри»).

(Річард) ...Нездатен розум, незугарні руки знайти чогось такого, що б могло всіх зрушити, неначе грім органу (Л. Українка. «У пущі»).

Та основною причиною відставання заводу все же з низький рівень організаційно-технічного керівництва, часті порушення технології і аварії («Радянська Україна», 1956, № 268).

Про яку ж ритмічну роботу цеху можна говорити? (там же).

І цей безперервний важкий гуркіт індустриального краю був тепер куди миліший дівчині за блакатні береги південного моря, де вона провела одне літо (О. Гончар, «Голубой Дунай»).

Після одного особливо голосного випалу грому стає чути, як гроза, раптова літня гроза, притихає (Ю. Яновський. «Мистецтво»).

А вдарят густо перекаати грому,
Півнеба вкриє туча зокола,—
Ти зашумиш, як море невідоме,
Похилиш зелень ніжного стебла...
(А. Малишко. «Урожай»).

Порив вітру. Двері відчиняються (Ю. Яновський, «Зв'язковий підпілля»).

Ніч. Надворі чути шум вітру (І. Франко. «Украдене щасте»).

Ту затійливу ігру світа з димом довго слідили Петрусеви очі (П. Мирний. «Лихі люди»).

Після розкатів дужого баса з квартирі стало аж наче тихо-тихесенько (О. Ільченко. «Сердце жде»).

Найближчим часом передбачено перевести доменну піч № 2 на підвищений тиск газу під колошником («Радянська Україна», 1956, № 54).

Золотим фондом Ждановської агролісомеліоративної станції з її матеріали про чудодійний вплив лісу на климат («Радянська Україна», 1948 г.).

Люди пили його один в одного з очей, з передсмертного жаху скалічених речей, з криків скла і металу, з стогання струн (М. Коцюбинський. «Фата Моргана»).

Дух смачного ситого борщу війнув на неї звідкись (М. Коцюбинський. «Українсько-російський словник», том I, 1953 г.).

Т и ш и н а...

Я на схід і на захід дивлюсь

І чую громи безперервного бою (О. Підсуха. «На світанку»).

В белорусском языке:

Пръезду пасла РСФСР чакалі з дня на дзень, з нецярплівацю, з хвалюваннем (Э. Самуйлёнак).

Калі сам пісьменнік не *усё* зауважыць з недахопау свайго твора, дык ён павінен уважна паставіцца да крытыкі свайго слухача, або чытача (Я. Колас. «Уступная прамова»).

Гэтая добрая дзяучынка адкрывала перад ім новы свет: жыцце таямніцы яго сына (П. Кавалёў. «Бацька»).

Думаецца, што і *у* будучым поспех у рабоце перакладчыка будзе вырашаць не *узрост*, не *унутраная*, адарвана разглядаемая близкасць да творчасці таго ці іншага аутара...; а цалкам яго здольнасці, яго талент (Л.Салавей. «Аб поэтычным перакладзе...»).

Часамі яшчэ чувся піск камара (К. Чорны. «Заутрашні дзень»).

... і сэрца яго білася, здаецца, трохкі толькі цішэй ад грукату далёкага ды чутнага яшчэ рухавіка (Я. Брыль. «На Быстранцы»).

... гукат старога млына аціх напалавіну (там же).

У памяці глядачоў Мінска яшчэ не паспелі згладзіцца уражанні ад выступленняў Малага тэатра у канцы мінулага года («Звязда», 1956, № 31).

Не глядзячы на суровы выраз твару, голас у Прохарава лагодны, мяккі (М. Ваданосаў. «У Баркоускай пушчы»).

Выйшаў Марцін з вагона і адразу пачуў пад нагамі звонкае парыпванне снегу (Кавалёў. «Бацька»).

І шумам задумнага лесу,

І шчэбетам птушак шчаслівых

Запела вясна сваю песню...

(Я. Купала. «Запела вясна...»).

Каця заплюшчыла вочы і слухала шум дажджу (Я. Шырахоўскі, «Беларусь», 1955, № 9).

Пэўныя адхіленні ад кліматычнай «нормы» яшчэ не сведчаць аб змяненні клімату («Звязда», 1957, № 28).

З-за Немана даносілася глухое гурчанне далёкага грому (Я. Колас. «На ростанях»).

Ад парываў ветру бярозкі узмахваюць галінамі... (М. Ваданосаў. «У Баркоускай пушчы»).

У аповесці «На ростанях» Я. Колас... показвае жыццё беларускай вёскі у адказны час нарастання рэвалюцыйнага руху (П. Броўка. «Літаратура і жыццё»).

Другая прычына адставання нашай мастацкай літаратуры ад запатрабаванняў часу заключаецца ў замкнёнасці і адарванасці пісьменніка ад народа, ад жыцця (Я. Колас. «Уступная прамова»).

Не апраўдаліся разлікі Англіі, якая знаходзіцца пад пагрозай фінансавага крызісу... («Звязда», 1956, № 31).

Прайшошыя трыццаць год з дня смерці Вл. І. Леніна з'яўляюцца гадамі велічнага трыумфа яго неуміручай справы, таржаства ленінізма («Ленін з намі», «Полымя», 1954, № 1).

Шмат год назад, яшчэ ў перыяд росквіту сімвалізма, такім метадам карыстаўся небезвядомы К. Бальмант... (Л. Салавей. «Аб паэтычным перакладзе»).

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, прежде всего то, что зависимость формы родительного падежа от лексического значения слова в словосочетаниях с субъектным значением проявляется весьма своеобразно в каждом изучаемом языке.

Общим для всех восточнославянских языков является то, что форма на -а безраздельно господствует в группе существительных со значением лица и других одушевленных предметов:

русский язык: свист сторожа, уход гостя, объяснения бригадира;

украинский язык: виступ Біліка, порад брата, протест селянина;

белорусский язык: прыход госця, крытыка чытача, піск камара.

Во всех других группах существительных (неодушевленных) наблюдается большее или меньшее различие в употреблении форм родительного падежа.

Так, существительные, «означающие индивидуальные предметы» (А. А. Шахматов), в украинском и белорусском языках обнаруживают некоторое своеобразие в использовании -а и -у по сравнению с русским языком. В современном русском языке окончание -а является единственно возможным для существительных, обозначающих отдельные предметы: грохотанье поезда, звон колокольчика, работа завода и т. п. В украинском и белорусском языках окончание -а преобладает в названной группе слов:

украинский язык: рух поїзда, наказ світлофора;

белорусский язык: гукат млына, выступленне Малага тэатра, грукат рухавіка...

Но наряду с окончанием -а, украинский и белорусский языки допускают в отдельных случаях употребление формы на -у: грім органу, відставання заводу, работа цеху, вираз твару. Причем, окончание -у получило более широкое распространение в украинском языке, особенно в названиях помещений, построек: палацу, тунелю, бараку, ангару, вокзалу, магазину... ⁵⁾

Особый интерес представляют существительные «неиндивидуального» значения, то есть вещественные, собирательные, отвлеченные и т. п., которые, по мнению А. А. Шахматова, могут принимать форму на -у во всех восточнославянских языках.

Однако в современном русском языке вещественные, собирательные, отвлеченные существительные в родительном падеже с субъектным значением всегда принимают только форму на -а: хрустенье льда, дыханье леса, чистота воздуха, борьба сна, работа ума и т. п. С формой на -у нам не встретилось ни одного примера.

В родительном падеже со значением субъекта окончание -у не принимают даже такие существительные, которые, выступая с количественным или объектным значением, используют обе формы. Сравним употребление одного и того же существительного в конструкциях с разными грамматическими значениями.

Например, слово «снег» в родительном падеже с субъектным значением:

⁵⁾ См. Курс сучасної української літературної мови, т. 1, Кієв, 1951, стр. 437—438.

Хруст, скрежет снега под ногами (О. Горчаков. «Полмешка картошки»).

... и этот теплый живой запах, смешанный с запахом талого навоза, казался Тоне трогательным и чистым (Д. Гранин. «После свадьбы»).

Темнота пропитывается отсветом снега (К. Паустовский. «Золотая роза»).

... а за рекой — поля в холмах и белом сиянии снега (Б. Ясенский. «Заговор равнодушных»).

Запах снега и ощущение напряжения в мышцах вызывает смутную мечту о лыжах (там же).

Когда на море подымается волна, то слышен не шум прибоя, а хрустенье льда и шорох оседающего снега (К. Паустовский. «Золотая роза»).

В этом году весна света перестоялась, почти невыносимо было глазу сияние снега (М. Пришвин. «Кладовая солнца»).

С количественным и объектным значением:

У дверей, где над шайкой висел глиняный рукомоийник с носиком, натопали с улицы сырого снегу (А. Толстой. «Детство Никиты»).

В лесу еще было полно снегу (В. Бианки. «Лесные были и небылицы»).

В ноябре и декабре давили сильные морозы, выпало много снегу (В. Овечкин. «Трудная весна»).

А снег кружится, легкий, веселый,—столько снега и в ночь не приснится (Б. Ясенский. «Заговор равнодушных»).

Во дворах, там, где было мало снега, партизаны находили обугленные трупы (О. Горчаков. «Полмешка картошки»).

Все ждали первого снега (В. Бианки. «Лесные были и небылицы»).

И заяц захныкал: «...снегу еще нет, а у меня уже клочья белой шерсти лезут» (там же).

Сравнение разных по значению конструкций с существительным «снег» в родительном падеже свидетельствует о том, что в словосочетаниях с субъектным значением существительное принимает только форму на -а, в то время как в словосочетаниях с объектным и количественным значением приемлемы оба вариантные окончания: -а и -у.

То же самое явление наблюдаем и в употреблении других существительных. Например, форму родительного на -а встречаем у существительного «лес», когда оно употребляется в субъектном значении:

Волглое дыхание леса и лугов еще с кануна наполняло дом... (К. Федин. «Первые радости»).

От легкого ветра впервые был слышен зеленый шум листовенного леса (там же).

А в конструкциях с количественным и объектным значением встречаются формы и на -а и на -у:

Дали им хорошие усадьбы, выделили лесу для построек (В. Овечкин. «Трудная весна»).

В заключение упомяну, как в Новосельи пропало несколько сот десятин строевого леса (А. Герцен. «Былое и думы»).

— Нет, не любите вы, братцы, лесу! (Л. Леонов. «Русский лес»).

(Яичница:) А по газетам узнал я, что желаете вступить в подряды насчет поставки лесу и дров... (Н. Гоголь. «Женитьба»).

... Этот теремок наш. Вон на дворе немного лесу, в кладовке краска, алебастр (З. Рудская. «Рядом с нами»).

Или, например, существительное «дым». С субъектным значением:

Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание (И. Тургенев «Бирюк»).

С количественным значением:

Порядочно набралось и дыма (С. Сергеев-Ценский. «Тузик»).

Комната была полна дыму («Комсомольская правда», 1957, 1 марта).

И, одевшись, они выходят, бросив теплый, полный дыму номер раскрытым настежь (И. Бунин. «Подснежник»).

И вся я другая теперь. Точно дыму какого-то нанюхалась (А. Толстой. «Хождение по мукам»).

Существительное «песок». Субъектное значение:

Шипенье подводного песка,

Неловкого краба ход,

И чаек полет, и пробег бычка,

И круглой медузы лед (Э. Багрицкий. «Осень»).

И опять пошла ровная жизнь, тихие дни, нарушаемые... скрипом песка в ступе (В. Дудинцев).

Количественное значение:

Все выпрыгнули на берег, зачерпнув башмаками рассыпчатого тонкого песка (К. Федин. «Первые радости»).

Водой нанесло песку («Толковый словарь...» под ред. Д. Н. Ушакова, т. II).

Струя золотого песку, пущенная паломником, ошеломила гостей Патапа Максимыча (П. Мельников-Печерский. «В лесах»).

Таким образом, в современном русском языке собирательные, отвлеченные существительные в родительном падеже со значением субъекта принимают только форму на -а, хотя теоретически они могут иметь окончание -у и практически принимают его в словосочетаниях с количественным и реже с объектным значениями.

Можно предполагать, что в данном случае на форму родительного падежа оказывает влияние грамматическое, т. е. субъек-

ектноє значення існуючого, оскільки лексическе значення аналізуємых слів не мешає прийняттю форми на -у. Это не противоречит выводу, который был сделан В. А. Богородицким: «При родительном субъекта окончание -а является единственным, так как субъектом действия являются всегда реальные предметы и даже по большей части одушевленные, названия которых, как мы уже упоминали, в данном падеже не способны принимать окончания -у, например, «завывание ветра», «работа крестьянина». ⁶⁾

Иначе обстоит дело в современном украинском языке, где вещественные, собирательные, отвлеченные существительные и другие слова неиндивидуального значения в родительном падеже со значением субъекта так же последовательно принимают окончание -у, как и в словосочетаниях с количественным, объектным и другими значениями.

Субъектное значение:

... чудодійний вплив лісу на клімат («Радянська Україна», 1948 г.).

Дух смачного ситого борщу війнув на неї звідкись (М. Коцюбинський).

... перевести доменну піч... на підвищений тиск газу («Радянська Україна», 1956, № 54).

Він чув шарудіння дощу в траві (Н. Рибак).

Починає бити злива. Гуркіт грому (Ю. Яновський. «Зв'язковий підпілля»).

Сивий дід гріє свою бороду біля вогню і слухав розмову вітру (М. Коцюбинський. «Дорогою ціною»).

... побіда альтруїзму над класовим егоїзмом... здається нам утопічною... (М. Коцюбинський. «Іван Франко»).

Юрма здригнулась од глухого стоінання жаху, од шуму піднятих рук (М. Коцюбинський. «Фата Моргана»).

Франко в своїх прозаїчних творах любить спинятись на двох темах:

1) боротьба капіталу з працею...

2) пробудження людського чувства у людей...

(М. Коцюбинський. «Іван Франко»).

Объектное и количественно значение:

В галузі важкої промисловости перевиконано план ...видобутку нафти, торфу, сланців, природного газу, виробництва бензину... («Радянська Україна», 1956, № 27).

... ничим витопити, ни з чого борщу зварити (П. Мирный. «Повія»).

... мої новели мають в собі багато драматизму... (І. Франко. Письмо к А. Крымському).

А чорні жінки... стежили пильно за кожним рухом рудо-

⁶⁾ В. Богородицкий. Синтаксис родительного падежа в русском языке РФВ, 1912, Варшава, т. 68, № 3, стр. 220.

волосого шарлатана й ловили вухом, ще повним грому пекельної ночі та криків смерті, його натхненну промову... (М. Коцюбинський. «Хвала життю»).

Итак, в современном украинском языке определяющим фактором в употреблении формы -а или -у является лексическое значение слова, так как при любом грамматическом значении существительные с вещественным, собирательным и отвлеченным значением последовательно принимают -у:

тиск газу (субъектное значение)

видобуток газу (объектное значение) и др.

Современный белорусский язык по употреблению форм родительного -а и -у существительными, обозначающими вещества, отвлеченные понятия, явления природы, близок к украинскому. В нем также названные группы слов в родительном падеже со значением субъекта принимают, как правило, -у (-ю):

У гэты ціхі ранак... з хрустам снегу пад капытамі...—усе для Толі было напоунена... радасным зместам (Я. Брыль. «На Быстранцы»).

Зоры познай восені зіхацели над чорнай цішынёй яловаго лесу (К. Чорны. «Заутрашні дзень»).

Дзесь зусім блізка грывнуу удар грому (Я. Колас. «На ростанях»).

Міронаву робіцца лепш над подыхам свежага ветру (Самуйлёнак. «Дачка»).

Не апраудаліся разлікі Англіі, якая знаходзіцца пад пагрозай фінансавага крызісу («Звязда», 1956, № 31). И т. д.

Однако в отличие от украинского языка в современном белорусском языке наблюдается некоторая непоследовательность в употреблении формы родительного на -у: некоторые авторы одно и то же слово в абсолютно тождественных условиях используют то с формой на -у, то с формой на -а:

Чуваць раскаты далекага грому (Макаёнак. «Выбачайце, калі ласка»).

Чуваць далёкія раскаты грома (там же).

Дзесці далёка-далёка моукнуць громоты грома... (Сц. Гаурусёу. «Ночы на граніцы»).

Известный интерес представляют существительные с абстрактным значением в белорусском языке, которые образованы с помощью суффикса -ізм (-ызм). Они, в противоположность всем другим существительным абстрактного значения, принимают, как правило, -а:

Прайшоушыя трыццаць год з дня смерці Вл. І. Леніна з'яўляюцца гадамі велічнага трыумфа яго неумірчай справы. таржаства ленінізма («Полымя», 1954, № 1).

Шмат год назад, яшчэ у перыяд росквіту сімвалізма, такім метадам карыстаўся небезвядомы К. Бальмант... (Л. Салавей «Аб паэтычным перакладзе»).

Следует заметить, что форма на -а в данных конструкциях не обусловлена грамматическим значением субъекта существительного в родительном падеже, так как окончание -а существительные с суффиксом -ізм (ызм) принимают и в словосочетаниях с объектным и другими значениями. Например:

Прарыу у Расіі фронта сусветнага імперыялізма адкрыў новую эру у гісторыі чалавецтва—эру крушэння капіталізма і таржаства соцыялізма і камунізма (Ленін з намі—«Польмя», 1954, № 1).

Каб затрымаць масы, «айцы царквы» скарыстоўваюць любыя сродкі — ад прапаведзі абскурантызма і невуцтва да запалохвання і шантажу (А. Шаўня. «Супроць рэакцыі...», «Польмя», 1955, № 5).

Употребление формы -а незначительной группой существительных мужского рода, единственного числа в родительном падеже обусловлено, как нам представляется, неустойчивостью норм современного литературного белорусского языка. Форма -у для существительных, обозначающих вещества, явления природы, отвлеченные понятия и т. п., является основной, ибо она значительно преобладает над -а.

* * *

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексическое значение слова не утратило своего влияния на употребительность форм родительного -а и -у в значении субъекта в современных восточнославянских языках. Существительные, обозначающие отдельные предметы, одушевленные и неодушевленные, принимают -а (-я):

русский язык: приезд начальника, грохот трамвая;

украинский язык: порад брата, рух поїзда;

белорусский язык: прыезд пасла, гукат млына.

Существительные с вещественным, собирательным и отвлеченным значением в украинском и белорусском языках в аналогичных конструкциях принимают окончание -у (-ю):

украинский язык: вплив лісу, тиск газу, грім бою;

белорусский язык: парыпванне снегу, пагроза крызісу.

2. Зависимость окончаний родительного падежа со значением субъекта от лексического значения слова проявляется по-разному в каждом изучаемом языке.

а) Наиболее последовательное употребление -а и -у по лексическому признаку сохранилось в современном украинском языке: существительные, обозначающие одушевленные предметы, всегда принимают в родительном со значением субъекта -а (-я), существительные вещественного, отвлеченного значения -у (-ю).

б) В белорусском языке значение слова также является одним из решающих факторов, определяющих выбор падежной формы. Но в отличие от украинского языка в группе существительных с отвлеченным значением наблюдается некоторое огра-

ничение в употреблении формы -у (-ю): существительные, которые образуются посредством суффикса -ізм (ызм) принимают -а (-я): таржаство лєнінізма, росквіт сімвалізма и т. п.

в) В современных украинском и белорусском языках отмечены факты проникновения формы родительного на -у со значением субъекта в группу слов индивидуального значения (неодушевленные): гром органу (укр.), выраз твару (белор.).

г) Современный русский язык значительно отличается от украинского и белорусского по употреблению форм родительного со значением субъекта. Если в украинском и белорусском языках существительные с вещественным, собирательным и отвлеченным значением используют форму на -у, то в современном русском языке названные группы слов встречаются только с формой -а (-я): сияние снега, запах дыма и т. п. Казалось бы, лексическое значение не должно было бы препятствовать употреблению формы на -у (-ю). Более того, в конструкциях с другими грамматическими значениями возможны -а (-я) и -у (-ю). Сравним: «запах дыма», но «набралось дыма», «нанюхалась дыму». Следовательно, форма родительного на -а в данных словосочетаниях в русском языке обусловлена грамматическим (субъектным) значением слова.